

«С ВЕРОЙ, ЧТО РУССКАЯ ЛАМПАДА НЕ УГАСНЕТ...»: С.А. ЕСЕНИН И Д.В. ФИЛОСОФОВ¹

С.А. СЕРЕГИНА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: В статье дано первое приближение к аналитическому осмыслению диалога С.А. Есенина с идеями и представлениями Д.В. Философова. Анализ ведется с учетом обстоятельств знакомства и общения Есенина и Философова в 1915 году, а также того факта, что в личной библиотеке Есенина были книги Философова с инскриптами автора. Делается вывод о том, что «органическая» национальность, духовное преображение и воскресение России, отказ от традиционного православия и пересмотр его метафизических основ – это те идеи Философова, к которым Есенин так или иначе обращался на протяжении своего творческого пути.

Ключевые слова: С.А. Есенин, Д.В. Философов, русская литература и философия, религиозная мысль, сравнительный анализ.

В августе 1916 года в письме к поэту Н.Н. Ливкину С.А. Есенин писал о начале своего сближения с кругом петербургских литераторов: «<...> мережковские, гиппиус и Философов открыли для меня свое чистилище и начали трубить обо мне...»². Это противопоставление «мережковских» и «гиппиус» с одной стороны (строчные буквы, очевидно, использованы умышленно) и Д.В. Философова – с другой – получит свое продолжение в памфлете «Дама с лорнетом (Вроде письма. На общеизвестное)» 1925 года. Здесь Есенин, называя Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус бездарностями, делал на первый взгляд неожиданное признание: «Один только Философов, как и посеячас, занимает мой кругозор, которому я писал и говорил то устно, то в стихах» (5, 229).

Темы «С.А. Есенин и Д.С. Мережковский» и «С.А. Есенин и З.Н. Гиппиус» заслуживают отдельных обстоятельных исследований, однако здесь

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432).

² *Есенин С.А.* Полное собр. соч.: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 6. 1997. С. 83. Далее тексты Есенина цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.

нельзя не сказать о том, что и процитированное выше письмо Ливкину, и памфлет 1925 года свидетельствуют (как и многие другие факты) о том, что круг Мережковских сыграл существенную роль в биографии Есенина. В 1922 году Есенин перед отъездом (по воспоминаниям И.В. Грузинова) сказал о Мережковском так: «Я не подам руки Мережковскому <...> Я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты мы остались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас!»³ В этих словах слышится не столько ярость идеологического противника, сколько горечь бывшего единомышленника, хотя и стоявшего на своих основаниях, но смотревшего в ту же сторону, куда указывал нынешний враг.

В салоне Мережковских весной 1915 года Есенин познакомился с Философовым. Петроградский приятель Есенина Владимир Чернявский вспоминал: «К Философову он <Есенин> относился хорошо. Тот пленил его крайним вниманием к его поэзии, авторитетным, барственно мягким тоном джентльмена»⁴.

До личной встречи с Философовым Есенин, вероятно, знал о нем как о редакторе журнала «Голос жизни»⁵. 12 апреля 1915 года Философов дарит Есенину две свои книги с инскриптами: «Сергею Александровичу Есенину с верой, что русская лампада не угаснет. Д. Философов. 12 апр. 1915 г.» (на книге «Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам». М., 1912) и «Сергею Александровичу Есенину на память о “несоленых” людях Питера от автора. 12 апр. 1915 г.» (на книге «Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы». М., 1912). 15 апреля будет подарена третья книга – «Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.)» (СПб., 1909) с надписью: «Сергею Александровичу Есенину на память от автора. Д.Ф. 15 апр. 1915 г.»⁶. Примечателен и малоизвестен следую-

³ Грузинов И.В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 371–372.

⁴ Чернявский В.С. Три эпохи встреч (1915–1925) // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 207.

⁵ О частых посещениях Есениным редакции журнала «Голос жизни» см. воспоминания Л.В. Бермана в журнале «Звезда» (1975. № 4. С. 187–188).

⁶ Об этих книгах в библиотеке Есенина см.: Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы. Материалы Междуна-

ший факт: «<...> подаренный тогда Есенину экземпляр книги Д.В. Философова “Старое и новое” становится вторым в его личной библиотеке – эту книгу еще в 1912–1913 гг. он приобрел для себя сам»⁷. «“Несоленые” люди Питера» из инскрипта на этой книге возникли в разговоре Есенина с Мережковскими и Философовым, состоявшимся в день дарения книг. Содержание этого разговора будет изложено несколькими днями позже в известной статье З.Н. Гиппиус «Земля и камень» (подпись: Роман Аренский): «И люди в Питере, говорит <Есенин>, – ничего, хорошие, да какие-то “несоленые”»⁸. Этот эпитет «несоленые», обративший на себя внимание Мережковских и Философова, очевидно, в устах Есенина означал отсутствие определенности и ярко выраженной характерности. Тем не менее, «“несоленые” люди Питера» оценили молодой талант из Рязани довольно высоко. Гиппиус в статье говорила о том, что Есенин – «настоящий, современный поэт»⁹: очевидно, это была общая оценка триумвирата. Статья Гиппиус в «Голосе жизни» предваряла публикацию четырех есенинских стихотворений («Под венком лесной ромашки...», «Темна ноченька, не спится...», «В хате», «По дороге идут богомолки...»). Очевидно, Философов способствовал и этой публикации, и тому факту, что имя Есенина значится на второй странице обложек журнала «Голос жизни» (№ 18–22) в перечне участников его литературного отдела. После знакомства с Есениным Философов читает его стихи Н.О. Лернеру¹⁰. Чернявский в начале мая 1916 года пишет Есенину о том, что на недавнем собрании у Мережковских о Есенине говорили «много» и что «мнения расходились»¹¹. В ответном письме Есенин просит Чернявского: «<...> Но хочется знать, на какой стороне Филосо-

ной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.А. Есенина. М.–Рязань: Пресса, 2006. С. 331–355.

⁷ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина / Общ. ред. и вст. сл. Ю.Л. Прокушева, сост. М.В. Скороходова и С.И. Субботина. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018. Т. 1 (1895–1916). 2003. С. 230.

⁸ Роман Аренский <Гиппиус З.Н.> Земля и камень // Голос жизни. 1915. № 17. С. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ В апреле или начале мая 1915 г. – Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 1. С. 38.

¹¹ Чернявский В.С. – Есенину С.А. Аннополь-Вольнский. 26 мая 1915 г. // Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; сост. С.П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной. М.: Республика, 1995. С. 199.

фов и Гиппиус. Ты узнай, Володя» (6, 71). На это Чернявский напишет 8 августа: «<...> Я ничего путного не узнал: сказали мне только, что говорили о тебе “как о хорошем мальчике”, будто бы тебя в Питере кто-то портит, а как о поэте ничего не говорили, а Философов вообще в разговоре участия не принимал»¹². До получения этого августовского письма от Чернявского Есенин просит Л.В. Бермана: «Да пропишите про Дмитрия Владимировича <ча>. Как он-то живет» (6, 70). Не дождавшись ответа от Л.В. Бермана (он придет позже), Есенин обращается к Философову сам: письмо неизвестно¹³. В августе он отправляет еще одно письмо с просьбой посодействовать публикации маленькой поэмы «Микола» (письмо см.: 6, 74). Философов откликается на просьбу: он пересылает рукопись поэмы редактору «Биржевых новостей», назвав Есенина в сопроводительном письме «талантливым поэтом из народа»¹⁴.

В первой книге Есенина «Радуница» (Пг., 1916) Философову посвящено стихотворение «Выть» («Черная, потом пропахшая выть...», 1914). Известна также дарственная надпись Есенина Философову на «Радунице» (Пг., 1916), со словами благодарности: «Дорогому Дмитрию Владимировичу Философову. За доброе напутное Слово от баяшника соломенных сучьев Сергей Есенин» (7 (1), 51).

Такова основная фактография общения Есенина и Философова. То обстоятельство, что Есенин будет помнить о «Слове» Философова и в 1925 г., вероятно, свидетельствует о важности и содержательности смыслов этого Слова для Есенина. Ниже дано первое приближение к аналитическому осмыслению диалога Есенина с идеями и представлениями Философова.

Статья Философова «Голубая весна» была помещена в сборнике «Старое и новое», приобретенным Есениным еще в 1912–1913 гг. (как уже отмечалось выше – до личного знакомства с Философовым). В «Голубой весне» Философов раскрывает оригинальность и своевременность поэзии С.М. Городецкого, которая, по мнению Философова, развивается в поисках «нового русского стиля»: «У гробового входа заиграла жизнь, пусть бессознательно стихийная, почти “зверская”, варварская, но все же настоящая, не литературная только жизнь. Он <Городецкий> внес в совре-

¹² Чернявский В.С. – Есенину С.А. Спасск, Казанской губ. 8 августа 1915 г. // Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 204–205.

¹³ Упоминание о нем – 6, 347 (Комментарий С.И. Субботина).

¹⁴ Философов Д.В. – Гаккебушу М.М. Петроград, 22 августа 1915 г. // Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 306.

менную поэзию старую и вечно новую тему национализма, – не народничества, а именно национализма»¹⁵. Есенин (как и Н.А. Клюев до него) пришел в литературу, чтобы раскрывать тему национализма самым фактом своего поэтического существования и своей обращенностью к истокам национальной культуры, ее языку и образности. Конечно, речь не идет о том, что Есенин, познакомившись с «Голубой весной» и восприняв слова Философова о Городецком как непосредственное руководство к действию, начал развивать «вечно новую тему национализма». Однако для Есенина важным мог оказаться тот факт, что он своим творчеством, обращенным к истокам национального, может ответить на запрос большой интеллектуальной и философской культуры, которую для него, безусловно, воплощал Философов.

Творческий поиск Есенина также шел в русле формирования собственного «нового русского стиля». Одна из центральных мыслей «Голубой весны» Философова – мысль о различии между «национальностью органической» и национальностью «идейно навязанной»¹⁶. Есенин в следовании «органической» национальности пошел, прежде всего, по пути формирования особого поэтического стиля, укорененного в языке народной культуры. На это, как известно, сразу обратила внимание Гиппиус: «Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие <...> поэт “земляной” приехал с собственным русским богатством из Рязанской губернии <...>»¹⁷. Под «собственно русским богатством» Гиппиус, очевидно, понимала в том числе и диалектную лексику, которая ярко окрашивала стиль Есенина в национальный колорит: «По дорогам идут богомолки, / Под ногами полынь да комли. / Раздвигая щипульные колки, / На канавах звенят костыли» (1, 58). Однако Есенин стремительно поднимался от «органической национальности» в языке до утверждения *национального как этического*: «Я скажу: “Не надо рая, / Дайте родину мою”» (1, 51); «Но вся ты – смирна и ливан / Волхвов, потайственно волхвующих» (1, 115). По дорогам есенинской Руси идет Господь «пытать людей в любви» (1, 42), и вся природа «кричит» ему «Осанна!» (1, 55). Русь становится объектом религиозной веры: «Но не любить тебя, не верить – / Я научиться

¹⁵ Философов Д.В. Голубая весна // Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1912. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Роман Аренский <Гиппиус З.Н.> Земля и камень. С. 12.

не могу» (1, 83). Это движение Есенина в поисках «национальности органической», по сути, окажется обращением к славянофильству¹⁸, против которого Философов резко выступал. Подлинно русский дух для Философова – это «исконная, северная Русь Новгорода и Пскова, а не византийщина и татарщина славянофилов»¹⁹. Для Есенина же Византия станет собирательным образом «крещеного Востока», которому наследует «Русь», не теряя своего самобытного языческого истока. «Мы ведь скифы, – напишет Есенин А.В. Ширияеву в 1917 году, – принявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит...» (6, 95).

Философов, предостерегавший Городецкого и, возможно, Есенина от «идейно навязанной национальности», сам отдал должное национальному мифу в статье «Неугасимая лампада», центральный образ которой оказался близок творческому и идейному поиску Есенина. В центре статьи Философова «Неугасимая лампада» – образ «заколдованного края» «нелепого русского села» с «неважной» неуклюжей церковью и «допотопным» священником²⁰. Бытие строгой чистой природы, окружающей село, противопоставлено быту сельской жизни с ее «яремочными баранками, девками в пестрых сарафанах, пьяными мужиками»²¹. Для Философова быт русской деревни – это быт за границами всякой культуры: «Нет тут ни христианства, ни язычества, ни первобытности, ни культуры. Вместо христианства – неблаголепная обрядность, вместо язычества – пьянство, драки. Вместо первобытности – московские ситцы, вместо культуры – нелепые звуки грамфона, доносящиеся из чайной»²². В то же время Философов «под грубою корою вещества»²³ национального быта осязает «нетленную порфиру»²⁴ – это «неугасимая лампада» в местной церкви. Она

¹⁸ О Есенине и славянофилах см.: *Серегина С.А.* Славянофильский комплекс в художественном сознании С.А. Есенина: послереволюционные метаморфозы // *Русская литература и философия: пути взаимодействия* / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 271–283.

¹⁹ *Философов Д.В.* Голубая весна. С. 16–17.

²⁰ *Философов Д.В.* Неугасимая лампада // *Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам*. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1912. С. 5–6.

²¹ Там же. С. 7.

²² Там же. С. 6.

²³ *Соловьев Вл.С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. С. 125.

²⁴ Там же.

никогда не гаснет, так как вокруг нее – постоянная людская забота. Образ неугасимой лампы глубоко символичен: «Творческого огня для обновления жизни нет, пока еще нет. И еле мерцающий огонь – единственный свет, просвещающий мрачную жизнь русской деревни»²⁵. Для Философова неугасимая лампада сельской церкви – это символический образ еще не раскрытой и не явленной в полной мере, еще дремлющей духовной силы национального бытия. У народа есть «хотение» Христа, но нет сил: «Есть силы только, с тупым упорство блюсти пламя неугасимой лампы. Есть только смутная вера, что смерть побеждена, робкое чаяние, что Россия воскреснет»²⁶.

Для Есенина сельский быт не был «грубою корою вещества»: это был глубоко символический, осмысленный и многозначный язык – «вечная песня перед мирозданьем» (5, 186). Однако статья Философова могла стать одним из непосредственных источников важной для Есенина революционных лет идеи – идеи духовного преображения и воскресения России. Философов дистанцировался от славянофильства, но, тем не менее, его профетический пафос воскресения России оказался близок Есенину. В статье «Неугасимая лампада» Философов усиливает звучание этого пафоса, обращаясь к известному евангельскому сюжету об исцелении расслабленного в Капернауме, которому Христос сказал: «...возстани, *возьми свой одр и иди* в дом твой» (Мф. 9:6). Русский народ в понимании Философова – это «расслабленный», который получит чудесное исцеление, потому что он в себе уже несет потенции к этому исцелению: «Если бури и бедствия до сих пор не потушили неугасимой лампы, то жива еще русская земля, и наступит время, когда русский народ возьмет одр свой и пойдет»²⁷. У Есенина в «Ключах Марии» возникает типологически близкий образ, который, очевидно, восходит именно к «Неугасимой лампаде» Философова. Это образ русской деревни, лежащей на смертельном одре, но в глубине своей хранящей ключи к национальному искусству: «Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем <...> тайны <подлинного искусства> была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни <...> наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти. <...>. Этот вихрь, который сейчас бреет бороду ста-

²⁵ Философов Д.В. Неугасимая лампада. С. 7.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Там же. С. 9.

рому миру <...> явился нам как ангел спасения к умирающему. Он протянул ему, как прокаженному, руку и сказал: “Возьми одр твой и ходи”» (5, 201). Возникающий в этом пассаже образ вихря укрепляет предположение о том, что статья Философова стала одним из источников «Ключей Марии». У Философова русская земля жива вопреки «бурям и бедствиям» и находится в ожидании преображения, у Есенина – деревня (как воплощение исконного русского бытия) принимает очистительный вихрь как путь к этому преображению. Конечно, Есенин здесь следует логике своего скифского мифа²⁸, который Философову не был близок, однако сам по себе этот диалог смыслов примечателен и является примером того, какое неожиданное и новое звучание получали идеи нового религиозного сознания в пореволюционный период. Слова Философова о том, что «наступит время, когда русский народ возьмет одр свой и пойдет», прозвучав для Есенина в начале его творческого пути, возможно, оказали влияние на утопическую модальность творческого сознания поэта, которая во всей полноте заявит о себе в творчестве Есенина 1917–1919 г., где Русь – это и Новый Назарет («Верю: завтра рано, / Чуть забрезжит свет, / Новый над туманом / Вспыхнет Назарет» – 1, 106), и Приснодева, «поправшая смерть» (2, 47). Так Есенин и Философов оказываются в плоскости одного и того же мифа о воскресении России, с той безусловно значительной поправкой, что для Есенина этот миф был связан с революцией.

Для Философова идея духовного возрождения во многом определялась возможностью религиозной реставрации в России через обращение к вселенскому христианству. В силу этого «славянство дохристианское», национальные основы «Руси не крещенной»²⁹ представляли для него большую ценность, чем «черный клубок»³⁰ православия.

Религиозность Есенина никогда не была ортодоксальной. В «Ключах Марии» возникает образ «черной рясы» православия (5, 212). При этом, если у Философова «черный клубок» православия соединен с «самовластным мечом московским»³¹, то у Есенина «черная ряса» православия – с государственностью Советской России: «Вот потому-то нам

²⁸ См. подробнее: *Серегина С.А.* «Животворные ключи “Нового Назарета”»: к истории «скифского мифа» русской литературы // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 456–476.

²⁹ *Философов Д.В.* Голубая весна. С. 11.

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ Там же. С. 12.

так и противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусств. <...>. Перед нами встает новая символическая черная ряса, очень похожая на приемы православия, которое заслонило своей чернотой свет солнца истины» (5, 212). Философов, полемизируя с Гордеевским в «Голубой весне», утверждал: «Не заморское крещение, само по себе остановило развитие славянской души, не христианство как таковое, а искажение его, дурной глаз “монашин-черноризец”»³². Есенин по сути развивает эти же мысли, говоря о том, что «старое инквизиционное православие, <...> посадив Святого Георгия на коня, пронзило копьем вместо змия самого Христа» (5, 211).

Философов, выступая за «органическую национальность» и против «монашин-черноризец» не принял картины М.В. Нестерова «Святая Русь»: «Если Русь действительно такова, как ее изображает Нестеров, у нее нет будущего. Все эти чахоточные юноши, декадентские девицы, это – худосочная, болезненная Русь, способная лишь на покорность, смирение, боящаяся жизни, творчества, государственного строительства, самостоятельности»³³. В статье «Церковь и освободительное движение» Философов призывал «пересмотреть всю метафизику православия»³⁴ и бороться с Церковью. По мнению Философова, люди религиозного сознания «борются с Церковью в плоскости религиозной, подвергая беспощадной переоценке самую ее метафизику <...> свои религиозно-общественные идеалы они выводят уже из новой, свободной, вне церковных традиций воспринятой религиозной метафизики»³⁵. Есенин начнет борьбу с «дыханьем Китежа» в цикле библейских поэм, осуществляя свой онтологический бунт и по-своему пересматривая метафизические основы православия. «Не хочу воспринять спасения / Через муки его и крест» (2, 61), – скажет он в поэме «Инония» 1918 года. Здесь же будут звучать проклятия символам традиционной русской духовности – Радонежу и Китежу: «Проклинаю я дыхание Китежа / И все лощины его дорог» (2, 62); «Проклинаю тебя я, Радонеж, / Твои пятки и все следы! / Ты огня золотого залежи / Разрыхлял киркою воды» (2, 63). Вероятно, для Философова строки «Инонии» звучали кощунственно. Мог ли он думать о том, что

³² Там же. С. 21.

³³ Там же. С. 11–12.

³⁴ *Философов Д.В.* Церковь и освободительное движение // Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.). СПб.: Тип. АО Тип. Дела в С-Петербурге, 1909. С. 188.

³⁵ Там же.

призыв «пересмотреть метафизику православия» нового религиозного сознания (исходивший в том числе и от него самого) одним из своих последствий будет иметь подобный религиозно-философский экстремизм? Впрочем, глубинный смысл «Инонии» раскрывается в парадигме традиционных образов и смыслов: отказ «воспринять» спасение «через муки и крест» – это попытка обретения Нового Назарета и встречи с едущим к миру Спасом: «Радуйся, Сионе, / Проливай свой свет! / Новый в небо-склоне / Вызрел Назарет. / Новый на кобыле / Едет к миру Спас» (2, 68). То есть это все-таки та же метафизика христианства, но пересмотренная по завету «“несоленных” людей Питера». В статье «Старообрядчество и православие» Философов писал: «Пока живо в народе религиозное чувство, живы и “пророки”»³⁶. Таким пророком чувствовал себя Есенин в «Инонии»: «Так говорит по Библии / пророк Есенин Сергей» (2, 61).

Первая попытка анализа диалога Есенина с системой представлений Философова позволяет выявить ряд важных переключек между двумя, казалось бы, принципиально разными авторами. «Органическая» национальность, духовное преображение и воскресение России, отказ от традиционного православия и пересмотр его метафизики – вот центральные идеи Философова, к которым Есенин так или иначе возвращался на протяжении своего творческого пути – вплоть до 1925 года. Наконец, следует сказать о том, что книги Философова могли стать для Есенина источником сведений о многих явлениях и спорах литературного и религиозно-философского толка: о мистическом анархизме, голгофском христианстве, Вл. Соловьеве, «великом мистике» Вяч. Иванове и сути символистского кредо *per realia ad realiora*. Эти сюжеты требуют дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собр. соч.: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002.
2. Грузинов И.В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 364–379.
3. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина / Общ. ред. и вст. сл. Ю.Л. Прокушева, сост. М.В. Скороходова и С.И. Субботина. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018. Т. 1 (1895–1916). 2003. 736 с.

³⁶ Философов Д.В. Старообрядчество и православие // Неугасимая лампада. С. 26.

4. Роман *Аренский* <Гиппиус З.Н.> Земля и камень // *Голос жизни*. 1915. № 17. С. 12.
5. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / *Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; сост. С.П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной*. М.: Республика, 1995. 610 с.
6. *Серегина С.А.* «Животворные ключи “Нового Назарета”»: к истории «скифского мифа» русской литературы // *Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева*. М.: Индрик, 2018. С. 456–476.
7. *Серегина С.А.* Славянофильский комплекс в художественном сознании С.А. Есенина: послереволюционные метаморфозы // *Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи*. М.: Водолей, 2018. С. 271–283.
8. *Соловьев Вл.С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 350 с.
9. *Субботин С.И.* Библиотека Сергея Есенина // *Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С.А. Есенина*. М.–Рязань: Пресса, 2006. С. 331–355.
10. *Чернявский В.С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // *С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1*. С. 198–235.
11. *Философов Д.В.* Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.). СПб.: Тип. АО Тип. Дела в С-Петербурге, 1909. 324 с.
12. *Философов Д.В.* Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1912. 204 с.
13. *Философов Д.В.* Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1912. 308 с.